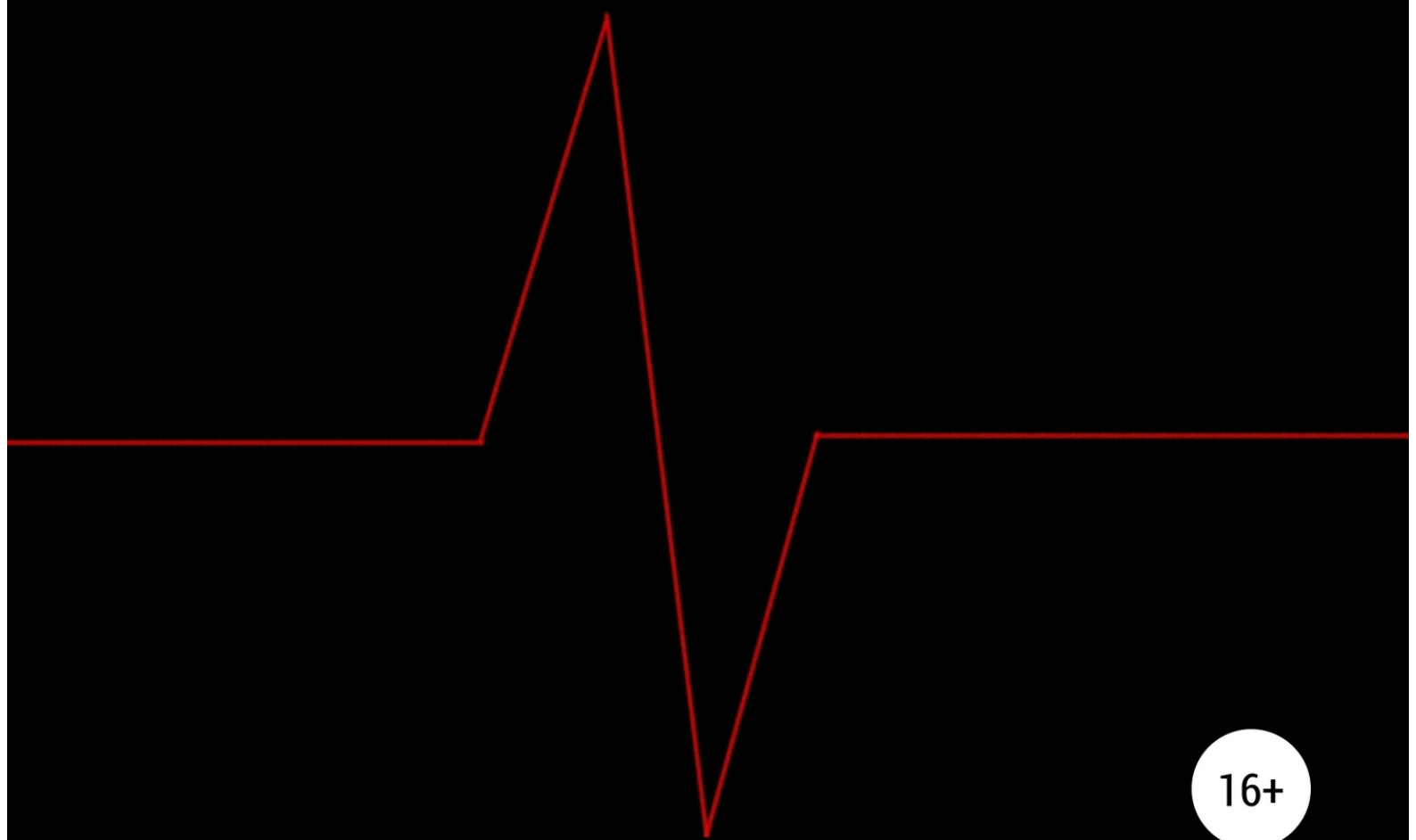

Лойс

16+

Яна Сибирь

Яна Сибирь

Лойс

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сибирь Я.

Лойс / Я. Сибирь — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта история о шестнадцатилетней девушке по имени Лойс, чья жизнь со стороны кажется вполне обычной. Но это не так. Жизнь Лойс похожа на подготовку к войне. Ее родители, с виду тоже вполне обычные люди, держат дочь в ежовых рукавицах. Однажды Лойс решает сбежать из дома, и по иронии судьбы становится пленницей одной так же с виду совершенно обычной семьи по фамилии Кич. Семья Кич, состоящая из отца, матери и их сына-подростка, продержали Лойс в плену почти девять месяцев.

Глава 1

Лойс

Лойс Грант – самая обыкновенная шестнадцатилетняя девушка с кучей комплексов и депрессивным отношением к жизни. За одним лишь исключением – её жизнь очень похожа на подготовку к войне. Родители Лойс – Эрик и Зори, с виду вполне положительные люди, слишком опекают дочь. Они зациклены на её безопасности настолько, что предпочитают сами показывать ей, что жизнь не всегда такая, какую хочешь. Долгими и невыносимыми для Лойс вечерами, родители рассказывают ей о том, что в мире много опасности, которая всегда исходит от других людей, и если ты знаешь, что делать, то можешь рассчитывать на спасение.

Лойс ненавидела такие вечера. Ей, как любому подростку хотелось совершенно других знаний и эмоций, но родители были непреклонны. Как бы Лойс не старалась объяснить им, что она все понимает и, тем не менее, было бы не плохо, если бы они, хоть иногда отпускали её в кафе, кино или в парк, где собирались такие же подростки как она.

– Что за чушь ты несешь? – спросил отец, после очередной попытки Лойс отвоевать себе хоть пару часов в том мире, в котором жили шестнадцатилетние дети. – Мы чем, по-твоему, здесь занимаемся? Для кого, по-твоему, мы с матерью стараемся?

– Но, я...

– Не хочу слушать! – рявкнул мистер Грант. – Что за неблагодарное создание живет со мной под одной крышей!

– Но, я...

– Когда я говорю, ты молчишь, – отрезал мистер Грант. – У тебя есть полчаса на отдых и час на выполнение домашнего задания и если ты не забыла, тебя еще ждет вечерняя тренировка. Если из-за этого дурацкого спора, который произошел по твоей вине, ты не успеешь справиться со своими прямыми обязанностями – на ужин можешь не рассчитывать.

– Хорошо, отец, – сказала Лойс и поспешила в свою комнату.

Поднимаясь по ступенькам на второй этаж, где ей и была выделена комната средних размеров с большим окном, широким подоконником и высоким потолком на котором висела старая одинокая люстра, Лойс думала о несправедливости. Знакомое чувство отчаянье еще больше усилилось, когда девушка вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Унылый вид своих апартаментов полностью отбил желание что-либо делать.

Ветхая, уже послужившая не одному человеку, деревянная кровать, стояла, прислонившись спинкой к стене, сбоку её подпирала такая же еле сохранявшая форму, тумбочка, на которой покоились страшная лампа и подержанный будильник. На противоположной стороне стоял стол, тоже повидавший много на своем веку и стул на колесиках – единственное развлечение в этом помещении. На столе была еще одна лампа, не уступающая по красоте первой и подставка под канцелярские товары, сделанная из пустой банки из-под газировки. Над столом – обычная книжная полка, на которой стояли учебники и тетради. Стены были оклеены белыми обоями в мелкий, тусклый, розовый цветочек. На деревянном полу лежали две маленькие застиранные дорожки из искусственной шерсти оливкового цвета. Никаких картин, рисунков или тем более молодежных постеров – это запрещено. Так же как и компьютер, телефон, книги, не имеющие отношения к школе, косметика, вызывающая одежда, бесполезная трата времени, мечты и желания.

По поводу одежды в этой семье не было вообще никаких разговоров – что купили, то и одевай. Вот только родители Лойс покупали ей совсем некрасивую и неженственную одежду. В основном это были широкие брюки или джинсы, мешковатые рубахи, растянутые кофты и безразмерные футболки. Обувь всегда была на сплошной подошве, потому что, как говорил

отец, так проще всего убежать от маньяка. Согласитесь, что это не совсем то, что хочет видеть на себе шестнадцатилетняя девушка.

Ко всему прочему Лойс запрещалось иметь длинные волосы. Стрижка, больше похожая на мальчишескую сопровождала её всю жизнь, так как миссис Грант считала, что длинна волос, напрямую связана с женственностью, а как раз именно женственности она категорически не хотела видеть в своей дочери.

Пока миссис Грант готовила ужин, а мистер Грант смотрел телевизор, который, как и компьютер был только в его полном распоряжении, Лойс, бросив рюкзак на пол, начала быстро вытаскивать оттуда учебники и тетради. Времени, которое дал ей отец, в обязательном порядке должно было хватить на приготовление всего домашнего задания, потому что снова остаться без ужина Лойс уже не могла.

Такие наказания были не редкостью в семье Грант. Эрик Грант – глава семейства, зачастую наказывал не только дочь, но и жену, которой тоже разрешалось немного. Основная задача Зори Грант – избавлять мужа от домашних хлопот и неповиновение дочери, ведь именно это больше всего выводило мистера Гранта из себя.

Пока Лойс корпела над заданиями, в кухню вошел мистер Грант и устался на жену.

– Ну, что на сей раз? – спросила Зори и покосилась на мужа.

– Нашей дочери снова захотелось испить глоток свободы, – с издевкой произнес Эрик, почесывая свою козлиную бородку. – Как бы нам отучить её от этого раз и навсегда?

– Никак, – с невозмутимым видом ответила Зори, продолжая накрывать на стол. – Вспомни себя в её возрасте. Сколько тебе было, когда мы познакомились?

– Восемнадцать, – ответил Эрик. – Но, к чему ты это? Ты, как никто другой знаешь, что тогда все было проще и жить было проще.

После, мистер Грант загадочно улыбнулся и приблизился к жене.

– Знаешь, я тут подумал и решил..., – начал он.

– Как это решил? – возмутилась Зори. – Хочешь сказать – принял решение самостоятельно? Без меня?

– На этот раз, да, – ответил Эрик. – Нам пора начинать испытывать нашу дочь. Мы должны понять, на что она способна. Сама знаешь, что теория не дает полной картины без практики.

– И когда ты планируешь начать? – спросила Зори, как будто речь шла не о её дочери.

– Завтра, – ответил Эрик. – У нее как раз начинаются каникулы, вот мы и проверим, что она вообще может.

– Мне кажется, она еще не готова, – сказала Зори в надежде, что это не разозлит её мужа. Чтобы смягчить свое резкое высказывание она добавила: – Хотя, наверно, я недооцениваю эту девочку.

– Поверь мне, она на многое способна, – сказал Эрик. – Просто у нее не было шанса продемонстрировать это.

Мистер Грант двусмысленно присвистнул, что крайне не понравилось его супруге.

– Главное не переусердствуй, – сказала Зори и толкнула мужа в бок. – Помни, что ей после каникул выходить на занятия.

Муж и жена переглянулись, а потом разошлись по своим делам: она продолжила накрывать на стол, а он вернулся к телевизору. Мистер Грант проводил много времени за просмотром новостей, потому что не мог позволить себе оставаться в неведение по поводу криминальной обстановке в своем округе. Так он и сидел по несколько часов перед экраном, переключая с канала на канал. У него было на это время – мистер Грант не работал, а вот миссис Грант была городским журналистом и писала статьи для местной газеты. У нее неплохо получалось, так что ей иногда разрешалось трудиться дома, чему она была несказанно рада и, пересилив себя и поблагодарив начальство, она потом еще долго высмеивала их в компании домочадцев.

Лойс тем временем торопилась, как могла. В голове шумело, и сосредоточиться на математических вычислениях становилось сложнее и сложнее с каждой минутой, но бросить она не могла. В отличие от других родителей, которые не проявляют особого интереса к домашним заданиям детей, её родители проявляли его всегда. Если им не нравился результат, они запросто могли заставить Лойс переделывать работу, но только после часа ночи. Они считали, что так их дочь научиться относиться к учебе серьезней.

– К черту все, – тихо сказала Лойс и закрыла учебник. – Не могу больше.

– Опять ворчишь! – раздался недовольный голос матери, которая имела поразительную способность появляться бесшумно даже там, где жутко скрипит пол. – Ты все сделала? Ужин почти готов...

– ... и ждать меня никто не будет, – закончила предложение Лойс. – Я все это знаю, как Отче наш.

Брови миссис Грант поползли вверх.

– Кто это, интересно, научил мою девочку хамить матери? – спросила она сухим тоном. – Ответишь или мне попросить отца задать тебе этот вопрос?

Лойс отлично знала, как отец умеет спрашивать, именно поэтому она предпочитала отвечать еще до того, как он задаст вопрос. Это значительно упрощало ей жизнь в этом доме, но все, же не делало ее хоть чуточку счастливой.

– Прости, – выдавила из себя Лойс и еле-еле встала со стула. Тело еще болело от вчерашней тренировки, которая продолжалась до трех часов ночи, и оттого руководить им было чертовски сложно.

– Я, конечно, не услышала искренности в твоём голосе, – сказала миссис Грант, – ну, да ладно. Сегодня у меня хорошее настроение и я могу пропустить это мимо ушей, но только сегодня. Впредь, будь умницей и не огорчай мать.

Лойс слегка качнула головой вперед в знак понимания того, что от нее требовали. Она могла бы еще что-то сказать или спросить, но предпочла помалкивать, так как с раннего детства уяснила, что чем меньше открываешь рот, тем меньше шансов ляпнуть какую-нибудь глупость – значит, меньше шансов быть наказанной.

– Ладно, хватит стоять передо мной, как восковая фигура, – сказала миссис Грант. – Иди, быстро вымой руки и спускайся вниз.

Миссис Грант вышла так же внезапно, как и вошла. Она не удосужилась спросить, как дела у ее дочери или как прошел ее день, есть ли у нее какие-нибудь проблемы или переживания. Зачем? Миссис Грант никогда этого не делала и очень этим гордилась. Она, как и ее супруг, считала, что чем больше лелеять свое дитя, тем более бесполезным оно вырастет. Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что Лойс не перепало ни капельки, ни тепла, ни ласки, ни простого доброго отношения. Иногда так бывает. Печально, конечно, но, иногда бывает.

Когда Лойс вошла в кухню, за столом ее ждала уже недовольная семья. Лойс, научившаяся определять «погоду в доме» даже по положению бровей отца, сразу заметила его хитрый прищур и поняла, что дело – дрянь.

– По-твоему, ты имеешь права заставлять нас ждать? – сердито спросил мистер Грант и со звоном бросил вилку на пол. – Подними.

Лойс привыкла к подобному поведению родителей, поэтому особо не удивилась. Сжав сильнее челюсти, Лойс быстро наклонилась и подняла вилку.

– Вымой и дай мне, – снова скомандовал мистер Грант, на лице которого появилась издевательская улыбка.

Лойс даже не думала о том, чтобы возразить. На столе ее ждал горячий ужин – первый за три дня и лишиться его сейчас, когда он так близко она не могла. На три дня Лойс была оставлена без ужина за то, что не успела вымыть посуду к возвращению родителей после очеред-

ного посещения концерта, куда те предпочитали ходить только вдвоем. Скорее всего, в какой-нибудь другой семье на это не обратили бы даже внимание, но только не в семье Грант, где порядок строго контролировался и был более чем обязательным.

Лойс помыла вилку и положила перед отцом.

– Спасибо, – сказал мистер Грант и указал дочери на стул. Это означало, что Лойс может приступить к еде.

Осторожно садясь на свое место, Лойс мысленно уговаривала себя не набрасываться на еду, дабы не дай Бог не показаться родителям голодной. Мистер Грант не терпел спешки в еде, так как быстро поглощающие пищу люди, сильно напоминали ему свиней.

За столом образовалась тишина. Супруги Грант, привыкшие кушать в тишине игриво переглядывались, совершенно не замечая дочь. Только Лойс знала – одно ее неверное движение или действие и за «мирным» столом разразится буря.

– Много не ешь, – обратился мистер Грант к дочери, – а то снова будешь тренироваться как дохлая муха. Мне не нужна дочь, которая ни на что не способна.

Кусочек мяса прошел по горлу Лойс как клубок наждачной бумаги, но она сделала вид, что слова отца вполне справедливы. Труднее всего было не выдать свое раздражение телодвижениями – не сжать кулаки, не сжимать челюсти, не хмурить брови, не делать резких или нервных выпадов и так далее. Взрослые не могут попасть в голову подростка, но легко могут расшифровать его настроение, ссылаясь на «язык тела» и Лойс уяснила это давно.

– Знаешь, дорогой, наша дочь была гораздо разговорчивее наверху, – сказала миссис Грант и хищно улыбнулась.

В этот момент рука Лойс слегка дрогнула, что естественно не осталось незамеченным.

– Правда? – наигранно спросил мистер Грант, и Лойс физически почувствовала, что ее ангел-хранитель снова отлучился.

– Она сказала, что уже давным-давно все знает, – усмехнулась миссис Грант. – Намекала мне, что уже не нуждается в моих напоминаниях.

Лойс притихла – не столько от испуга, сколько от непонимания. Она искренне не понимала, для чего мать постоянно устраивает эти ссоры и провоцирует отца на грубое отношение в адрес их же общей дочери.

– Ну что, Лойс, прокомментируешь слова матери? – спросил мистер Грант и пристально посмотрел на дочь.

– Я уже извинилась за это, – ответила Лойс и, отложив столовые приборы, приготовилась к скандалу, который не всегда ограничивался только нравоучениями.

– За что конкретно ты извинилась? – не унимался мистер Грант, который увидел возможность в очередной раз проверить дочь на прочность.

– За грубость, – снова ответила Лойс и напряглась всем телом. И не зря.

Мистер Грант суровым взглядом оглядел дочь с головы до ног, потом встал из-за стола и вплотную приблизился к ней.

– За грубость у нас в семье не только не кормят, но еще и наказывают, – сказал он, а потом толкнул Лойс с такой силой, что та слетела со стула.

От удара об пол и без того болевшее тело Лойс как будто захрустело. Зная, что отец не потерпит жалкого нытья, Лойс не дала себе заплакать.

– Марш отсюда! – крикнул мистер Грант.

– И через пятнадцать минут, чтобы была в спортзале в полной боевой готовности, – добавила миссис Грант. – Если не успеешь...

– Тогда ты скинешь меня со стула? – неожиданно даже для самой себя задала вопрос Лойс. Он прозвучал грубо и довольно решительно.

Уже через пару секунд она сильно об этом пожалела, но, как говорят философы – нельзя повернуть время вспять. Если бы Лойс пересилила себя и промолчала, как делала практически всегда, то и этот вечер мог бы быть вполне сносным, но сегодня ей почему-то это не удалось.

– Ах ты, чертова девка! – выкрикнула взбесившаяся миссис Грант. – Мы с отцом тратим на тебя свое время и силы, а ты неблагодарное создание смеешь так разговаривать!

Лойс еще не успела до конца подняться с пола, а увидев бешеные глаза матери, подумала, что может пока вообще не стоит вставать. Лежа на полу, есть шанс хоть как-то сгруппироваться, чтобы было не так больно.

Миссис Грант как будто прочитала мысли дочери и решила не смаковать момент наказания. Она подскочила к Лойс и, размахнувшись, отвесила ей слишком звонкую пощечину.

В какой-то момент Лойс показалось, что голова у нее отлетела целиком. На глазах выступили слезы, те самые, которые так ненавидел мистер Грант, но в этот раз это были какие-то странные слезы. Они были не только от боли, которую ей друг за другом причинили те, кто должен был от нее оберегать, но еще и от невыносимой обиды. Тот, кто хоть как-то знаком с подобным обращением, наверняка знает, что получить пощечину от родной матери в сто раз унижительнее, чем от кого бы то ни было.

Собрав последние силы, Лойс встала с пола и вышла из кухни. Не передать, что творилось в ее душе, пока она шла к себе в комнату. Тут были и страх и боль, смятение и сожаление, горечь и печаль, а так же почему-то ставшее привычным, нежелание задерживаться в этой жизни ни на минуту.

– Не плачь! Не смей реветь! – уговаривала себя Лойс стоя возле окна в своей унылой комнате. – Соберись, в конце концов! День еще не кончился...

Она знала, что если не окажется в спортзале ровно через пятнадцать минут, то этот день станет еще хуже, чем он есть на данном этапе. Стараясь как можно быстрее успокоиться, Лойс обняла себя двумя руками. Других объятий она не знала, поэтому часто спасалась своими собственными.

Спортзал, а точнее просто оборудованный подвал, в котором Лойс проводила львиную долю своего свободного времени, был самым не любимым для нее помещением во всем доме. На каждом квадратном сантиметре того пола были либо ее кровь, либо пот, либо слезы, а иногда и все вместе. Там пахло сыростью и злобой, а серые стены с грязными разводами предавали этому месту еще более безнадежный вид. Отсутствие окон тоже делало свое дело, так же как пол, местами застеленный старыми рваными матами. Строго у одной стены был сложен многочисленный спортивный инвентарь – гантели, гири, скакалки, обручи, утяжелители для рук и ног, степ-платформы, медболы, ролики для пресса, бодибары. Сверху свисали петли, канаты и кольца на которых Лойс в кровь стерла себе руки. Но, все это уже практически ее не пугало, все, кроме одной вещи. В одном, самом темном углу подвала стояла небольшая старомодная ванна, всегда доверху наполненная ледяной водой в которой плавали кубики льда. Это, с виду простое приспособление мистер Грант использовал очень умело. Он знал, что Лойс недолюбливает воду, точнее – боится погружаться в воду с головой, и не использовать это как угрозу было бы глупо, а мистер Грант не считал себя глупцом. С другой стороны, Эрик Грант так же знал, что любым человеческим страхом может воспользоваться кто угодно, именно, поэтому он пытался искоренить из дочери ее страх связанный с водой. Старался он не только для нее, но и для себя, так как не желал терпеть подобного изъяна в своем отпрыске.

Лойс не оставалось ничего другого, как явиться в спортзал в назначенное время. Опоздание сразу повлекло бы за собой очередное наказание, а после случившегося на кухне у нее итак почти не осталось сил.

– Могла бы сделать лицо подовольнее, – первое, что сказал мистер Грант, увидев дочь на месте. – Другие бы радовались, что у них есть возможность проводить с отцом столько времени, а у тебя такой вид, будто тебе это в тягость.

– Извини, отец, – сказала Лойс и натужно улыбнулась.

– Лучше не старайся, – раздраженно сказал мистер Грант. – Противно смотреть, как ты пытаешься сыграть роль счастливой девочки. Бери скакалку и начинай разминку.

Лойс сжала челюсти посильнее и приступила к своей обычной вечерней тренировке. Она прекрасно понимала, что чем лучше выполнит упражнения и не разочарует отца, тем быстрее сможет вернуться в свою комнату и лечь спать. Но, не только сам сон радовал Лойс, но и время до его наступления, когда она, лежа в кровати, могла спокойно помечтать о другой жизни. О жизни более счастливой, в которой есть место для любви, радости, веселья и еще многого того, чего в существовании Лойс не было, и быть не могло.

– Работай! Еще, еще! – орал мистер Грант, которому показалось, что Лойс не достаточно сильно лупит по груше руками и ногами. – Не зли меня! Выкладывайся полностью! Работай!

Лойс никак не могла понять, почему отец не видит, что у нее нет сил и что она вымотана до предела. Он не выпускал ее из спортзала уже два часа, заставляя каждые двадцать минут наращивать темп выполнения упражнений и ни в коем случае не сбавлять его.

– Не могу, – вырвалось у Лойс, когда ее ноги подкосились, и она упала рядом с боксерской грушей, по которой только что колотила кулаками, как сумасшедшая.

– Что ты сказала? – спросил мистер Грант грозным тоном. – Повтори, что ты сказала!

Лойс поняла, что допустила роковую ошибку, но было поздно. Глава семейства Грант не стал ждать ответа от дочери. Он молниеносно подскочил к ней, схватил ее за шкуру и потащил к ванне.

– Я поняла! Я все поняла! – взмолилась Лойс, хватаясь руками за маты, чтобы хоть как-то затормозить отца.

– Тогда закрепим это. На будущее, – рявкнул мистер Грант и швырнул дочь в ледяную воду.

Лойс издала протяжный вопль, больше похожий на звериный, чем на человеческий и попыталась выбраться из ванны.

– Куда? – крикнул мистер Грант и, поймав Лойс за шею, опустил ее на самое дно. – Сейчас взбодрись.

У Лойс не осталось и малого шанса на спасение. Задержав дыхание, насколько возможно, Лойс изо всех сил пыталась успокоиться. Благодаря вот таким урокам отца, она на всю жизнь запомнила, что паника лишает человека ума, а впоследствии и жизни, так что, самым правильным для нее было просто взять себя в руки и постараться продержаться.

Конечно, на словах все совсем по-другому, нежели чем на деле и уже через минуту Лойс сковал настоящий ужас, и она забила по воде руками и ногами, пытаясь заставить отца отпустить ее.

– Да сделай ты хоть что-нибудь! – крикнул мистер Грант, который даже не думал освобождать дочь просто так. Ему хотелось увидеть в ней война, человека, способного к противостоянию, но Лойс лишь беспомощно барабанила по воде. – Мерзость.

Эрик Грант отпустил шею дочери и та моментально вынырнула. Ничего не говоря, Лойс, откашливаясь и отплевываясь, выползла из ванны и, оставаясь на полу, пыталась восстановить дыхание. От ледяной воды ее тело тряслось, как лист на ветру, но она даже не пыталась, что-то с этим сделать. Лойс уже знала, что впала в немилость.

– Пошла вон, – спокойно сказал мистер Грант.

– Да, отец, – ответила Лойс, стуча зубами от холода. Она еле-еле поднялась на ноги и направилась к выходу. Вода лилась с нее ручьем, но Лойс после случившегося, это волновало меньше всего.

– Не забудь вернуться и убрать за собой, – сказал мистер Грант и бросил на дочь злобный взгляд.

– Да, отец, – ответила Лойс и вышла из осточертевшего ей спортзала. Позже, переодевшись, она сначала выстирала одежду, в которой тренировалась, потом убралась в подвале и только после этого легла спать.

В эту ночь Лойс почему-то предалась не мечтам, а воспоминаниям. Она вдруг вспомнила свою бабушку, которую считала самым лучшим человеком на земле. Лойс жила с ней свои первые семь лет и это было счастливое время, которое, к сожалению, закончилось слишком внезапно. Тогда Лойс и предположить не могла, что повзрослеть ей придется гораздо раньше, чем она ожидала.

Сейчас, когда Лойс никто не мешал, не подгонял и не наказывал, она могла расслабиться. Лежа на спине и укрывшись одеялом по подбородок, она вспоминала уютные вечера с бабушкой, ее вкусные завтраки, веселые игры и сказки на ночь. Жаль, что все это умерло вместе с бабушкой и Лойс, как бы она не хотела, была не в силах это воскресить. Ни тогда, ни теперь.

Бабушка Грета была матерью Зори Грант и гораздо лучшей матерью, чем ее дочь по отношению к собственному ребенку. В тот день, когда Зори объявила о своей беременности, Грета радовалась больше всех, отчего Зори испытывала неловкость, а Эрик отвращение.

Зори и Эрик поженились на скорую руку, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания и сразу купили старый дом на отшибе, который требовал основательного ремонта. Это не пугало супругов Грант, даже наоборот, они были очень воодушевлены идеей о том, что смогут сами выстроить то жилище, которое будет им по душе.

Родив дочь, Зори сразу передала ее в руки матери и укатила со своим новоиспеченным мужем отстраивать свой дом мечты. Она даже не удосужилась дать девочке имя. Именно Грета назвала девочку – Лойс, в честь своей бабушки, которая, по иронии судьбы, тоже была к ней значительно добрее ее матери.

Зори не была добросовестной матерью, так же как и Эрик не был прилежным отцом, и бабушка Грета прекрасно об этом знала. Исходя из своих наблюдений и умозаключений она не спешила отдавать Лойс этим двум горе-родителям. И не отдала бы, если бы жизнь не распорядилась по-другому.

Одним дождливым утром бабушка Грета попросила Лойс вызвать врача и чтобы не пугать девочку, позвала ее к себе на кровать и принялась рассказывать внучке свою последнюю сказку. Когда прибыли врачи, спасать было уже не кого. Сердце бабушки Греты остановилось, а следом за ним остановилась безмятежная жизнь Лойс.

Чем дальше Лойс предавалась воспоминаниям, тем хуже ей становилось. Она знала в этом меру, но в этот вечер, как на грех, именно эти воспоминания никак не хотели покидать ее голову.

Утро для Лойс наступило быстро. Злосчастный будильник залил своей нервной трелью всю комнату и чтобы его звон не добрался до родителей, Лойс нужно было живо его отключить. Что она и сделала, резко перевернувшись на бок и хлопнув по кнопке будильника. За такой решительный выпад, тело сразу отомстило, напомнив Лойс о том, что не стоит делать стремительных движений после тяжелой тренировки.

– О, Боже, – вздохнула Лойс. – Ну, неужели может быть так больно?

Лойс задавала себе этот вопрос чуть ли не каждый день, но никогда не отвечала на него вслух, потому что в глубине души знала, что может быть еще больнее. Стараясь отогнать дурные мысли Лойс поплелась в ванную комнату, чтобы умыться, расчесаться и начать свой новый день с очередного приготовления завтрака для всей семьи. Хотя, готовя его каждое утро, Лойс не была твердо уверена, что сможет его попробовать. Она знала, что все будет зависеть от настроения проснувшихся родителей, которое чаще всего было скверным и не располагало к общению с дочерью. В это утро чутье Лойс подсказало ей, что ставить на стол тарелку для себя не имеет смысла.

– Если ты здесь закончила, то можешь приниматься за стирку, – послышался за спиной Лойс голос матери. – Отец сейчас спустится и лучше тебе не попадаться ему на глаза.

Миссис Грант сладко зевнула, потом собрала волосы в пучок и важно заняла свое место за столом.

– Хорошо, – ответила Лойс и поспешила покинуть кухню, мысленно благодаря себя за то, что додумалась съесть хотя бы кусок хлеба с маслом.

Позже, загрузив две стиральные машины, которые стояли в подвале, Лойс села на пол, напротив них и стала думать. Так как сегодня был последний учебный день перед новогодними каникулами и в школе устраивали праздник, Лойс надеялась улизнуть оттуда пораньше и провести хоть немного времени «по своему вкусу». Она так замечталась, что даже не заметила, как машинки закончили стирку.

– Чего расселась? Иди, собирайся в школу, – гаркнул спустившийся в подвал мистер Грант. – После уроков сразу домой и даже не думай задерживаться.

– Но, сегодня в школе будет праздник, – осторожно сказала Лойс. – Я надеялась, что смогу провести немного времени с друзьями.

– Откуда у тебя друзья? – спросил мистер Грант ядовитым тоном. – Когда ты ими обзавелась?

Лойс стояла рядом с отцом. Стараясь не поднимать голову и не смотреть ему в глаза, она молилась только об одном – чтобы он не понял, что она врет. Ведь на самом деле у нее не было никаких друзей, да и откуда им было взяться, если Лойс шарахалась ото всех, как от прокаженных. Где-то лет до десяти она была более общительной, и у нее было несколько подруг, но с возрастом все изменилось. Растущие дети задают много вопросов, а Лойс многое запрещалось рассказывать. Пытаясь избежать очередных расспросов, она все больше отгораживалась ото всех и вскоре все стали думать, что она какая-то странная и перестали с ней общаться. Сначала Лойс было обидно до слез, но потом она поняла, что так, в ее положении, будет гораздо лучше.

– Даже если мы предположим, что ты не врешь, – продолжил мистер Грант, – и у тебя правда есть друзья и подруги, то почему я ничего о них не знаю? Кто они? Где живут? Кто их родители?

– Они мои одноклассники, – ответила Лойс и заставила себя посмотреть на отца.

Зря. Зря она это сделала, потому что именно по выражению ее лица мистер Грант разгадал обман. Чтобы обмануть родителя, ребенку требуется гораздо больше актерских навыков, чем было у Лойс, и она это знала. Следя за ее мимикой, как кобра за добычей, мистер Грант сдержался, решив отложить наказание за вранье на вечер, а пока просто сказал:

– Ты не заслужила праздника. Ты плохая дочь.

Идти в школу с подобным вердиктом было тяжело, но Лойс уверенно шагала по дороге, стараясь не думать о том, что ее ждет по возвращению домой. Особенно горько было осознавать то, что ей опять не удастся спокойно прогуляться по городу, посмотреть на витрины магазинов, понаблюдать за другими людьми и хоть как-то проникнуться предстоящим праздником. Теперь, когда отец ясно дал понять, что не верит во всю эту чушь с друзьями, Лойс не оставалось ничего другого, как явиться домой вовремя, смирившись с тем, что ей не светит сбежать с праздника и провести время по-своему.

Добравшись до школы, Лойс не испытала облегчение. Она бы с радостью развернулась и пошла в другую сторону, если бы только могла. Но, она не могла, поэтому постояв минуту на крыльце учебного заведения, Лойс заставила себя войти.

Первым уроком была биология, и веселье началось сразу, как только Лойс вошла в кабинет.

– Смотрите, наша «почти девочка» все-таки пришла, – выкрикнула Лола.

– А кто ставил на то, что ее сегодня не будет? – подхватила подкол ее сестра близняшка Лиля.

Эти две прелестные сестренки давно не давали Лойс покоя. Каждый день она была вынуждена выслушивать их колкости и многослойные оскорбления, делая при этом вид, что ей все равно. Хотя это было совершенно не так.

– Да она принарядилась! – не унималась Лола. – Вы только посмотрите: черные штаны, черная кофта и эти ужасные, грубые, черные ботинки. Фу! Сегодня же праздник! Я уверена, что если бы ты постаралась, то нашла бы куда более красивый наряд.

– Это точно! – продолжила Лиля. – Если честно, то в этом ты похожа на чуму четырнадцатого века. Такая же страшная и омерзительная.

По классу пронесся издевательский хохот. Возможно, знай, они всю правду о жизни Лойс, они бы вели себя по-другому. Громче всех смеялся мальчишка по прозвищу Тихий. Он был своего рода телохранителем сестер, поэтому всегда был рядом и поддерживал любой идиотизм с их стороны.

– «Терпи. Просто терпи», – говорила себе мысленно Лойс.

Она могла дать отпор и довольно жесткий, но это не обошлось бы без последствий, а именно их Лойс боялась больше, чем измывательства одноклассников. Если бы она сделала то, о чем мечтала каждый раз, как входила в школу, то это бы мгновенно дошло до родителей, и это была бы уже другая война.

– Слушай, Лола, может, ты ей хоть прическу сделаешь, – давясь от смеха, заявил Тихий. – Допускаю, что после этого она станет чуточку симпатичнее.

– Я бы с удовольствием помогла бедной девочке преобразиться, если бы не тот факт, что на ее голове почти нет волос, из которых можно сделать прическу, – ответила Лола, и весь класс снова захохотал, как по команде.

– «Терпи. Просто терпи», – снова говорила себе Лойс.

Шутники успокоились только тогда, когда в кабинет вошел учитель и гаркнул, чтобы все рассаживались по местам. Урок начался, и Лойс смогла расслабиться. Потом последовал урок истории, где она выслушала еще пару комментариев по поводу своей внешности и одежды, а после написала тест на пятерку, за что была вознаграждена еще большей ненавистью со стороны одноклассников.

Третий урок, был урок математики, на котором, неожиданно для всех, учитель организовал проверочную работу по последним трем пройденным темам. Все начали возмущаться, а вот Лойс обрадовалась.

– «Наконец-то этим тупоголовым шакалам будет на что отвлечься», – подумала она и незаметно улыбнулась.

Работа оказалась довольно сложной и если бы Лойс не учила все от и до, то, скорее всего, засыпалась бы вместе с остальными.

– Эй, Лойс, ты решила вторую задачу? – неожиданно обратился к Лойс мальчик по имени Артур.

Артур был новеньким в этом жизнерадостном коллективе, но уже после недолгого наблюдения со стороны принял сторону большинства и никогда даже не пытался заговорить с Лойс.

– Решила, – удивленно ответила она, чуть повернув голову к сидящему сзади мальчику.

– Дай списать, – шепнул он.

– Сейчас, – ответила Лойс и, оторвав кусок бумаги от своего черновика, быстро списала с него задачу и незаметно передала Артуру.

– Спасибо, – сказал он и принялся старательно переписывать готовую задачу в свою работу.

Это происшествие на минуту выбило Лойс из колеи, и она не сразу смогла собраться и вновь окунуться в мир математических вычислений. В отличие от Артура, она не могла позволить себе даже четверки за эту работу.

Когда прозвенел звонок, учитель математики, мистер Кравис, попросил всех задержаться на пару минут. Подростки, ожидая очередных заданий на каникулы, недовольно загудели.

– Оставьте этот гундеж для своих родителей, – отчеканил учитель. – Да, прекратите верещать! Я не собираюсь загружать вас заданиями, я лишь хочу на глазах всего класса поздравить мою ученицу, которая уже несколько лет подряд радуется своими успехами и здесь и на всех выездных конкурсах, с ее потрясающими успехами. Дорогая Лойс, поздравляю тебя и хочу сказать тебе большое спасибо за твою несокрушимую преданность математике, а так же вручить вот этот скромный подарок.

Мистер Кравис подошел к парте, за которой сидела Лойс, и вручил ей черный футляр, в котором лежала тонкая, позолоченная ручка и брелок в виде черепахи.

Лойс показалось, что все глаза мира сейчас смотрят на ее бледное лицо. В ее голове волчком крутилась одна мысль – зачем мистер Кравис это сделал? Неужели он не видит, что у нее и так огромные проблемы в общении с одноклассниками, а его «широкий жест» сделает их еще больше.

– Спасибо, мистер Кравис, – тихо сказала Лойс, держа футляр онемевшими пальцами.

– Тебе спасибо, – заулыбался мистер Кравис. – Ты гордость нашей школы! Если бы все занимались так усердно как ты, то из этих стен выходило бы гораздо меньше тупиц. Да, я говорю о многих из вас и это не оскорбление, а констатация факта. Но, я не хочу останавливаться на грустных моментах, поэтому просто пожелаю вам веселых каникул и хорошего настроения. Теперь можете проваливаться из моего кабинета.

Толпа с радостью бросилась к выходу, но на сей раз, кое-кто вынес из кабинета не только математические здания, но еще и жуткую ненависть к Лойс. Она это чувствовала, поэтому не спешила покидать класс, заранее зная, что ничего хорошего на этой перемене ее не ждет.

– Лойс, поторопилась, а то опоздаешь на следующий урок, – сказал мистер Кравис. – Какой, кстати, у тебя урок?

– Французский язык, – ответила Лойс, продолжая стоять у двери.

– Тогда тебе точно следует поторопиться, ведь даже мне известно, что мадам Дудиа не терпит опозданий, – хихикнул мистер Кравис и закатил глаза.

– Я знаю, – равнодушно сказала Лойс и вышла из кабинета.

На последний урок она шла медленно, заранее решив, что лучше вытерпит упреки со стороны мадам Дудиа, чем снова столкнется с непониманием и сарказмом своих одноклассников.

Увидев Лойс на пороге своего кабинета после звонка, мадам Дудиа спустила очки на кончик носа и сердито спросила:

– Милочка, ты заблудилась?

– Нет, – еле слышно ответила Лойс.

– Тогда, возможно, тебе нужно в другой кабинет? Например, в тот, где учителям безразлично, приходят ли их ученики вовремя или нет, – пошла в лобовую атаку мадам Дудиа. Ей было абсолютно плевать, почему девочка не успела вовремя – главное для нее было то, что та посмела опоздать, а такое нельзя оставлять безнаказанным, особенно на глазах других учеников. – Ну, что ты молчишь? Давай-ка, вздохни поглубже и поведай причину своего опоздания.

– Меня задержал мистер Кравис. – Лойс не оставалось ничего другого, кроме как соврать.

Мадам Дудиа, именно так она требовала, чтобы ее называли, вернула свои очки на прежнее место и с любопытством уставилась на Лойс. Ей, как учителю с немалым опытом работы были известны почти все хитрости, на которые могли пойти ученики, чтобы оправдать свои поступки, поэтому она не торопилась верить Лойс.

– И, какова же была причина задержания? – спросила мадам Дудиа своим властным учительским тоном.

По кабинету пошел шепоток и короткие смешки учеников.

– Я что, разрешила вам разговаривать? – перекинулась мадам Дудиа на одноклассников Лойс. – Живо замолчите и упритесь носами в учебники. Уж можете мне поверить, что для меня не составит труда подарить каждому из вас по двойке, в честь приближающегося праздника.

Мадам Дудиа была из тех людей, с которыми не шутят. Ей было пятьдесят два года, и большую часть из них она посвятила школе, поэтому испытывать ее терпение не решался даже директор.

– Ну, так что, Лойс, ты не ответишь на мой вопрос? – спросила мадам Дудиа.

– Мистер Кравис предложил мне поучаствовать еще в одном математическом конкурсе, который состоится после каникул, – ответила Лойс и ее дыхание практически остановилось.

– Мне проверить правдивость твоего ответа? – не унималась мадам Дудиа. – Я ведь могу сделать это прямо сейчас.

– Как вам будет угодно, – сдержанно ответила Лойс и впиалась ногтями в свою ладонь.

– Ты не умеешь врать, Лойс и думаю, что ты об этом знаешь, – фыркнула мадам Дудиа. – Никогда не надо приписывать себе того, чего у тебя нет. Как сказал Виктор Гюго: «У каждого человека три характера: тот, который ему приписывают; тот, который он сам себе приписывает; и, наконец, тот, который есть в действительности». Ты, Лойс, натура бесхитростная, поэтому, когда начинаешь придумывать на ходу, то выглядишь чрезвычайно глупо. Иди на свое место.

«Похоже, что сегодня мой персональный день унижения», – подумала Лойс, садясь за свою парту.

Мадам Дудиа продолжила урок. Он тоже был посвящен повторению пройденного материала, но только без проверочных работ и всяких там тестов. На этот раз мадам Дудиа решила определить «слабые места» с помощью обыкновенного разговора с учениками. Они говорили, что им не понятно, а она очень старательно и скрупулезно, как и подобает опытному педагогу, все объясняла и приводила простые примеры.

Прозвенел звонок. С разрешения мадам Дудиа подростки начали покидать кабинет, не забывая поздравлять ее с наступающим праздником.

– Я тоже желаю вам хорошо провести время и не отупеть еще больше за время каникул, – отчеканила она, желая как можно быстрее избавиться от надоевших детей.

Лойс никого не слушала и ничего не говорила. Она мечтала лишь о том, чтобы выбраться из школы не привлекая к себе внимания. Ей так хотелось, чтобы про нее все забыли, и она смогла спокойно уйти домой. Но, мечты, к сожалению, сбываются не всегда.

– Откуда у тебя такая славная курточка? – раздался противный голос Лолы, когда она заметила, как Лойс вытаскивает из рюкзака свою старенькую желтую куртку.

– Наверняка с помойки, – ехидно продолжила Лиля. – Тебе не холодно в этом тряпье?

– Ты что, оглохла? – рявкнула Лола и подскочила к Лойс с недовольной физиономией. – На мои вопросы обычно отвечают, и ты не будешь исключением.

Лиля, подкравшись сзади, отвесила Лойс увесистый подзатыльник и сестры залились громким смехом, который тут же подхватил подоспевший Тихий.

– Это называется невидимая атака, – выкрикнул он и толкнул Лойс в плечо. – А это видимая атака, но ты все равно ее прохлопала. Какая же ты неуклюжая баба.

Сестры продолжали хохотать и толкать Лойс с двух сторон, а Тихий нашел другое развлечение – он подскакивал к Лойс и хватал ее за волосы.

– Такой как ты волосы вообще не нужны, – язвительным тоном произнес он.

Все трое подростков-мучителей поддались бешеному веселью, а такое не просто остановить. В таких случаях нужен либо кто-то постарше, либо умение отражать подобные дешевые атаки, когда кучей накидываются на кого-то одного.

Лойс всеми силами уговаривала себя просто перетерпеть. В конце концов, они должны были когда-то наиграться и отпустить ее, и тогда она смогла бы с легкостью уйти домой. Но,

храбрая троица не хотела прекращать свое веселье, а терпение Лойс непредвиденно не только для нее, полностью закончилось.

Лихо, перехватив руку мальчишки, она резко завернула ее ему за спину и дернула до щелчка. Тихий взвыл так, что от лиц близняшек отхлынула кровь, но Лойс даже не думала на этом останавливаться. Уже через секунду она хорошо поставленным ударом сломала нос сначала Лоле, а потом и Лиле. Девчонки завизжали, как резанные, а Лойс просто неподвижно стояла и смотрела.

Тихий – этот крутой и вечно цепляющийся ко всем парень, валялся на полу и рыдал, как пятилетний малыш, а две сестрички, из чьих носов хлестала кровь, голосили в два горла и звали на помощь. Сейчас для Лойс было бы самым правильным быстренько исчезнуть, а потом все отрицать, но она не хотела уходить. Долгожданный триумф – дело такое.

Только через несколько секунд Лойс осознала, что вокруг них собралась толпа, которая ругала ее, но отчего-то шибко сочувствовала близняшкам. Гул прекратился только тогда, когда в толпу вторглась миссис Харди, заместитель директора школы.

– Что здесь твориться? – закричала она своим мужским голосом. – Вы что с ума сошли? Кто устроил этот кошмар?

– Это она, – сквозь слезы пропищала Лола. – Она совсем озверела и набросилась на нас.

– Да, – подхватила Лиля. – Мы просто хотели, чтобы она осталась на праздник, а она...

– Все ясно, – грубо сказала миссис Харди. – Живо все ко мне в кабинет, а остальным рекомендую отправиться на праздник, который уже начался и в который кое-кто вложил много сил.

Миссис Харди рассадилла подростков у себя в кабинете и вызвала к пострадавшим школьного врача. Лойс тихо сидела на стуле в уголке и ждала своего приговора. Миссис Харди удалилась на некоторое время, а вернувшись, надменно сказала:

– Я вызвала ваших родителей, чтобы сразу разобраться в этой ситуации и назначить виновнику этого безобразия достойное наказание.

Лицо Лойс перекошило от негодования, а после слова «наказание» у нее внутри что-то оборвалось. Все ее тело как будто свела судорога, и она не могла пошевелиться. Представляя весь ужас, который ожидает ее по возвращению домой, Лойс захотелось умереть, прям в этом кабинете на этом старом зашарпанном стуле.

Минуты ожидания, наполненные страхом и безысходностью самые тяжелые. Если бы Лойс видела глаза отца, когда он положил трубку после звонка миссис Харди, то предпочла бы просто встать и убежать как можно дальше. Само собой она предполагала масштаб своей трагедии, ведь знала родителей, как облупленных, но то, что пронеслось в голове у мистера Гранта в тот момент, она бы даже во сне не увидела.

Супруги Грант быстро собрались и поехали в школу. По дороге они молчали, чтобы не раздражать друг друга еще больше. Не смотря на то, что у них уже давно была разработана определенная стратегия для подобных случаев, они все равно нервничали.

– Только держи себя в руках, – сказала Зори. Она бросила на мужа короткий взгляд и поняла, что он ее не слышит. – Я говорю, держи себя в руках, а то у нас будет еще больше проблем.

Тишина в машине стала ее напрягать. Муж был на взводе, но молчал, и это заставляло ее беспокоиться. Зори слишком хорошо знала своего мужа и мгновенно могла определить, какие мысли родились в его голове. Те, что родились сейчас, ей больше чем не нравились.

– Главное не делай глупостей, – продолжила Зори. – Нужно подойти к этому с холодной головой. Слышишь? Она все же не просто ребенок, она наш ребенок.

Эрик посмотрел на жену взглядом голодного волка, и она поняла, что ее довод вовсе не довод.

Когда супруги Грант вошли в кабинет миссис Харди, там уже были родители Лолы и Лили, которые громко орали и странно жестикулировали. Они были глубоко возмущены тем, что их нежных, добрых и самых хороших девочек, избилла какая-то дурнушка.

Для этого мероприятия супруги Грант нарядились в свои самые дорогие наряды и поэтому выглядели довольно представительно. Миссис Харди даже не сразу поняла, что это родители Лойс, так как ее внешний вид никак не сочетался с внешним видом четы Грант.

Спустя пару секунд, в кабинет вторглась мать Тихого, которая оказалась более вменяемой и не стала спускать всех собак на Лойс, а решила в первую очередь отругать сына.

– Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не лез ко всем со своими дурацкими придирами? – закричала она с порога. – Как только можно было вырасти таким засранцем! Ну, ничего, вот отец сегодня проведет с тобой разъяснительную беседу! Мало тебе сломанной руки! Надо было тебе еще и по башке надавать! У меня нет никаких претензий к девочке, миссис Харди. Можно мне уже отвезти этого негодяя в больницу?

– Конечно, – слегка оторопев, сказала миссис Харди. – Если вы не хотите подать жалобу...

– Нет, не хочу, – коротко ответила мать Тихого и, схватив мальчика за рукав, вытащила его из кабинета.

Лойс продолжала сидеть на том же самом стуле и молчать. Поступок матери Тихого слегка ее успокоил, но лишь до того момента, пока она не встретила взглядом со своим отцом. Лойс показалось, что только эти ненавистные ей люди, которые кричали наперебой в этом маленьком кабинете, отделяют ее от самого жестокого наказания в ее жизни.

– Мы требуем, чтобы ее исключили! Мы не хотим, чтобы она была тем обществом, в котором вынуждены находиться наши малютки! – заорала мать близняшек, а их отец громко топнул ногой, ставя, таким образом, точку в этом разговоре.

– Мы примем все необходимые меры, – спокойно завершила их миссис Харди, – а сейчас вам лучше всего отвезти девочек в больницу.

Миссис Харди уже успела пожалеть о том, что ввязалась во все это. В ее голове дважды промелькнула мысль о том, что, возможно, правильнее было бы пройти мимо и позволить детям самим во всем разобраться. Стараясь прогнать эти мысли миссис Харди едва заметно качала головой и прикрывала лицо руками.

Когда в кабинете, после долгих пререканий, остались только Лойс и ее родители, миссис Харди устало вздохнула и произнесла:

– Какой позор! Какой позор, Лойс! Ну, объясни ты мне, как из милой, застенчивой девочки, вдруг вылез человек, который ломает руки и носы? Как? Я не понимаю. Надеюсь, что тебе хотя бы стыдно перед родителями. Вот что мне с тобой делать? Что мне прикажешь с тобой делать?

Лицо мистера Гранта постепенно становилось пунцовым. Он прикладывал невероятные усилия, чтобы не послать все к черту, встать и уйти. В таких вопросах требовалась деликатность, которой Эрик Грант не обладал с рождения, поэтому в разговор вступила миссис Грант:

– Миссис Харди, нам очень жаль, что наша дочь доставила вам столько неприятностей. У нее сейчас непростой период и мы сами крайне обеспокоены ее поведением. Уж не знаю, откуда она научилась так драться, ведь мы никогда не одобряли насилие, как метод разрешения конфликта и всегда говорили ей об этом.

– Но, вы, же понимаете, что это большая проблема? – требовательно спросила миссис Харди.

– Разумеется, – сухо ответил мистер Грант.

– Да, мы, безусловно, все понимаем, – подхватила миссис Грант, но более учтивым тоном, – и надеемся, что вы, как опытный педагог с громадным стажем, подскажете нам, какие меры стоит предпринять в данной ситуации. Мы с мужем немного растерялись, ведь наша Лойс...

Миссис Грант наигранно всплакнула, чем очень растрогала миссис Харди и вызвала омерзение у мужа.

– Ну, не надо так убиваться, – сказала миссис Харди. – Тем более, что сейчас нужны не слезы, а суровые меры. Я не ставлю вопрос об исключении только потому, что Лойс очень умная девочка и прекрасно учится. Если бы не этот факт, то я бы уже выложила вам документы и лично проводила бы вас за порог нашего учебного заведения.

– Хм, – еле слышно произнес мистер Грант, и взгляд миссис Харди плавно переключался на него.

– Вы находите это забавным, мистер Грант? – спросила заместитель директора и нахмурила густые подкрашенные брови.

– Я? Да это какой-то...

К огромной радости миссис Грант дверь в кабинет отворилась и в кабинет вошла мадам Дудиа. Элегантно поправив очки, она подошла к столу и в свойственной ей манере обратилась к миссис Харди:

– Сразу извинюсь за вторжение, но праздник уже начался, а в зале больше говорят не о веселье и долгожданных каникулах, а о том, как Лойс избила троих человек. Это правда?

– Да, мадам Дудиа, – сдержанно ответила заместитель директора. – Именно поэтому я пригласила родителей Лойс, чтобы обсудить с ними это происшествие.

– А что тут обсуждать? – удивленно спросила мадам Дудиа. – Это должно было когда-нибудь случиться, ведь они ей прохода не давали. Эти девчонки все время оскорбляли ее, цеплялись, а вот теперь лишний раз подумают прежде чем лезть. Умница, Лойс!

– Что вы говорите, мадам Дудиа?! – воскликнула миссис Харди. – Зачем вы поощряете столь отвратительное поведение? Вам, как учителю в принципе не следует произносить подобные речи.

Никогда в жизни Лойс бы не подумала, что мадам Дудиа когда-либо встанет на ее сторону, да к тому же будет ее защищать.

– Прекратите меня воспитывать, – огрызнулась мадам Дудиа. – Девочке надо дать медаль за терпение. Я вообще удивлена, как она раньше не поставила этих полоумных на место.

– Мадам Дудиа! – возмущенно произнесла миссис Харди. – Как можно?

– Бросьте! – отрезала мадам Дудиа. – Отпустите семью с наилучшими пожеланиями и идите на праздник, а то эта молодежь Бог знает, что натворит без присмотра.

– Но, я еще не закончила! – разводя руками, возмутилась миссис Харди.

– Так заканчивайте! – сказала мадам Дудиа. – Поверьте мне, за каникулы все забудется и не будет никаких жалоб.

В кабинете повисла тишина, как будто все ждали команды мадам Дудиа. Супруги Грант переглянулись, как бы спрашивая друг друга, что им делать, но не найдя ответа, перевели взгляд на миссис Харди. Та сконфуженно оглядела всех присутствующих и как-то неуверенно сказала:

– Ну, раз так... То, думаю, вы можете идти. Возможно, нам еще нужно будет встретиться...

– О, Господи! – взмолилась мадам Дудиа. – До свидания мистер и миссис Грант. Желаем вам хороших праздников и благодарим за такую умную дочь, которая всегда побеждает на всех конкурсах от имени нашей школы.

Мадам Дудиа сделала характерный жест, который говорил о том, что все могут быть свободны и супруги Грант встали со стульев.

– Спасибо и всего доброго, – выдавил из себя мистер Грант. – Пошли, Лойс.

– До свидания, – тихо сказала Лойс и с благодарностью посмотрела на мадам Дудиа.

После того, как дверь за семейством Грант закрылась, мадам Дудиа задумчиво произнесла:

– Интересная семья.

– В каком смысле? – спросила миссис Харди.

– В самом обыкновенном, – коротко ответила мадам Дудиа. – Но, я поразмышляю об этом чуть позже. Давайте мы все-таки пойдем праздновать еще один наступающий новый год. У вас уже есть желание, которое крикните под бой курантов?

– О, да! – загадочно ответила миссис Харди. – Хочу избавиться от этой работы.

– Мое желание звучит точно так же, – сказала мадам Дудиа. – Посмотрим, у кого сбудется.

Женщины вышли из кабинета и направились в зал, где уже давно гремела музыка и отплясывала веселая и довольная молодежь.

В это время Лойс забилась на заднее сиденье машины, и украдкой поглядывая на отца, пыталась угадать, что с ней будет. У нее в глазах еще стояли бегающие по школе счастливые одноклассники, которым именно сейчас она безумно завидовала.

«Боже, помоги мне. Дай мне сил справиться с тем, что меня ожидает. Если мне удастся пережить это, то клянусь, что при любом удобном случае я сбегу из этого дома, – думала Лойс изо всех сил пытаюсь сохранять, хотя бы видимость спокойствия».

– Сегодня на ужин свиные отбивные, – попыталась разрядить обстановку миссис Грант.

«У кого-то может быть», – подумала Лойс.

– У кого-то может быть, – ответил мистер Грант с такой злобой, которая ошеломила даже его супругу.

Зори уже выучила характер мужа вдоль и поперек, поэтому после такого ответа больше не решалась заговорить.

Кошмар для Лойс начался прямо с порога. Сначала отец с силой втолкнул ее в коридор, да так, что она упала навзничь. Шапка слетела, рюкзак вырвался из трясущейся руки и отлетел в сторону метра на два. Лойс, со своим многолетним опытом, сразу сгруппировалась, как ребенок в утробе матери, чтобы избежать сильных повреждений.

– Вот, посмотри! Хоть какой-то урок пошел впрок! – заорал Эрик, глядя на свернутое тело дочери. – Видно, пришло время припадать тебе еще несколько уроков.

Он схватил Лойс за волосы и потащил в подвал. Она не кричала, ни плакала и даже не пыталась отбиваться, что еще больше злило его. Возможно, она бы делала все это, если бы на месте Эрика Гранта был кто-то другой, но вступить в настоящий бой с родным отцом было для Лойс чем-то невыносимым.

Оказавшись в подвале, мистер Грант первым делом сильно ударил Лойс по лицу, а потом поволок ее в ванну, которая всегда была наполнена до краев. Недолго думая, он запихал туда дочь прямо в одежде и стал удерживать ее под водой, громко браня ее всеми отвратительными словами, которые только знал.

Лойс мало что могла разобрать в длинном монологе отца, потому что в голове гудело от удара, а сердце билось настолько быстро, что казалось, оно сейчас разворотит грудную клетку и вылетит наружу. В такие моменты Лойс старалась вообще ни о чем не думать, а просто принять реальность и постараться остаться в живых. В глубине души она знала, что отец не убьет ее, по крайней мере, она очень на это надеялась. Но то, что он может ее серьезно покалечить – в этом она была уверена. Несколько страшных инцидентов навсегда остались в памяти Лойс и не только в памяти. На ее теле, то тут, то там были шрамы, которые супруги Грант объясняли тем, что их дочурка росла очень непоседливым ребенком и умело вляпывалась во все неприятности, которые находила.

Когда Лойс поняла, что воздух в легких закончился, она начала бить руками по воде. Мистер Грант выдернул ее из воды, но лишь на несколько секунд, только для того, чтобы она смогла поглубже вдохнуть, после чего, вновь опустил ее на дно. Это воспитательное упражнение Эрик проделал пять раз, после чего, рывком извлек дочь из ванны и швырнул на пол.

– Валяйся здесь! – заорал он. – Не смей двигаться и не вздумай раздеваться! Будешь находиться тут до тех пор, пока я не разрешу тебе выйти, а главное, не переставай молиться, чтобы у нас с матерью не прибавилось проблем из-за твоего сегодняшнего поступка.

Мистер Грант вышел, громко шибанув дверь, да так, что даже его супруга, накрывая на стол, слегка подпрыгнула от звука и неожиданности. Она никогда не лезла и не препятствовала воспитательному процессу, придуманному ее мужем, будучи твердо уверенной, что это пойдет на благо их дочери. Неизвестно, чем именно руководствовалась миссис Грант, делая подобные выводы, но то, что они были правильными, она не сомневалась.

– Пускай сегодня ночует в подвале, чертова дрянь, – скрипя зубами, сказал Эрик, присоединившись к жене. – Если нас снова вызовут в эту идиотскую школу, клянусь, я сломаю ей шею.

– Успокойся, – сказала Зори и ласково шлепнула мужа по спине. – В конце концов, не она затеяла драку. Ты ведь слышал, что сказала та напыщенная тетка в очках...

– Да плевать мне, что и кто там сказал! – заорал Эрик. – Пойми, Зори, нам нельзя быть на виду. Нам от этого будет только хуже. Почему ты думаешь, я стараюсь все держать под контролем?

Зори прищурилась, и Эрик понял, что перегибает палку, крича в лицо своей жене, и тем более, задавая ей такие вопросы.

– Прости, милая, – смягчился Эрик. – Забудь все, что я сказал, и давай просто поужинаем. Тем более, что от этих отбивных пахнет очень-очень вкусно.

Эрик подошел и обнял жену, а она поцеловала его в щеку. На кухне воцарилось что-то вроде семейной идиллии, чему супруги Грант были безумно рады, даже не смотря на то, что внизу, в подвале, лежала их дочь, в одиночестве борясь с болью и холодом.

Свиные отбивные правда пахли восхитительно, настолько, что даже у Лойс от запаха обильно выделялась слюна. Она знала, что ей не видать ужина, так же как и завтрака, обеда и следующего ужина. И так по кругу. Все, что ей оставалось – это лежать на полу и глотать слюну, стараясь насытиться одним запахом.

Вечер для четы Грант прошел весело, ночь – приятно, чего не скажешь об их дочери. Услышав, что родители покинули первый этаж, Лойс попыталась подняться. Ей нельзя было нарушить приказ отца, но спать на полу в насквозь мокрой одежде, было, мягко говоря, не уютно. Кое-как поднявшись на ноги, Лойс сняла сначала куртку, потом кофту, а потом осталась, чтобы отдышаться. Ее руки были как резиновые дубинки, а пальцы были как будто чужими и не хотели слушаться. Ноги были ватные, и Лойс казалось, что она может упасть в любую минуту. Но, все это беспокоило ее меньше, чем сильно ноющая нижняя челюсть, в том месте, куда приложился отцовский кулак. Рот Лойс почти не открывался, а при любой попытке сделать это, боль пронзала ее до пяток.

Лойс продолжила раздеваться. Ей, во что бы то ни стало, нужно было отжать вещи и хоть как-то попытаться согреться, так как в подвале было жутко холодно. Осложнение вызывало еще и то, что в помещении было темно и действовать приходилось на ощупь.

Избавлять вещи от воды было еще больнее, чем просто двигаться, но сделать это было необходимо, поэтому она из последних сил перебарывала себя и продолжала отжимать свои тряпки.

Когда пришло время одеваться, Лойс страшно колотило от холода. Она знала, что мокрая одежда вряд ли ее согреет, но другого выхода у нее не было. Если она уснет раздетой, а в подвал неожиданно спустится отец и найдет ее в таком виде, то ей явно будет еще хуже, чем сейчас.

Уже натягивая куртку, Лойс вспомнила про большой кусок ткани, который валялся в подвале без особой надобности. Лойс, сама не зная зачем, стала вспоминать, как именно эта ткань здесь оказалась, но никак не могла вспомнить. В какой-то день Лойс просто заметила в

углу, за старым комодом, большой и мятый кусок цветной ткани и ей очень захотелось стать этим куском, который спокойно лежит и которого никто не трогает.

Лойс на ощупь двинулась к комоду. Она уверенно шла, преодолевая боль, лишь с одной целью – побыстрее согреться. Дотянувшись рукой до тряпки, Лойс хотела улыбнуться, но боль от, скорее всего сломанной челюсти пронзила ее насквозь.

«Мне не больно. Мне не больно и не холодно, – говорила она себе. – Я с этим справлюсь, потому что я сильная и смелая, и никто не сможет меня сломить. Я смогу пережить эту страшную ночь и последующие страшные ночи просто потому, что я должна это сделать. Конечно, мне до чертиков обидно, что самый сказочный праздник я, по всей видимости, проведу в этом жутком подвале, но... Что поделаешь, если мне настолько не повезло с родителями. Видимо, права была мадам Дудиа, случайно обронив фразу, что некоторым людям просто противопоказано иметь детей. Этими людьми, сто процентов являются мои родители. Ладно, Лойс, хватит болтать. Тебе надо отдохнуть и выспаться, так как завтрашний день для тебя абсолютная загадка».

Лойс замоталась в найденный неровный кусок ткани и легла на один из матов. Уснуть сразу не получилось, даже не смотря на всю усталость и пустой желудок. Стоило только Лойс закрыть глаза, как в темноте всплывали вкусные, дымящиеся блюда, к которым она с надеждой тянула руки. Желудок отзывался на картинки, и Лойс старалась переключить свое сознание на что-нибудь другое, не имеющее отношение к пище. Тогда ей начинала мерещиться мягкая, теплая кровать с воздушными подушками и большим одеялом.

«Спи. Просто спи. Сама знаешь – помочь тебе не кому, поэтому тебе нужны силы. Спи».

Так Лойс уговаривала себя до тех пор, пока не отключилась.

Утро наступило как обычно – быстро. Супруги Грант поднялись со своей чистой, мягкой постели с воздушными подушками и отправились умываться и завтракать.

– Как на счет омлета? – спросила Зори, завязывая пояс халата. – Или блинчики?

– Да все равно, – сухо ответил Эрик, в голове которого было меньше всего мыслей о завтраке.

– Может, посмотришь, как она там? – спросила Зори.

– Сама смотри, – бросил Эрик и отвернулся к окну.

– Хорошо, – сказала Зори. – Но потом никаких претензий и упреков, что я вдруг что-то не так сделала.

Зори убрала сковородку с плиты и направилась в подвал. Эрик не стал ее останавливать. Ему не хотелось идти самому, так как он чувствовал, что еще не готов вновь увидеть дочь, потому что вчера потратил на нее непозволительно много сил.

Зори хоть и была стопроцентной сукой, такой которую, и прибить не жалко, в этот раз, спускаясь по лестнице в подвал, почему-то волновалась. Хотя, скорее всего она переживала не за дочь в целом, а больше за то, жива ли та вообще. В голове Зори прокручивались мысли, которые не при каких обстоятельствах не должны возникать в голове матери. Она думала, куда в случае трагедии они с Эриком будут девать труп дочери.

Но, Лойс не торопилась на тот свет. Она еще здесь не видела хорошей жизни, поэтому, была полна решимости, задержаться, и все-таки узнать, что существование на планете Земля бывает более приятным, чем у нее сейчас.

– Где ты? – рывкнула Зори не сразу заметив свернутый в углу кусок ткани. – Давай, просыпайся! У меня нет времени стоять и ждать пока ты соизволишь показаться. Вставай!

Откуда-то из глубины сна Лойс услышала визгливый голос матери и приказала себе быстро проснуться. Напрасно. Тело молниеносно напомнило ей о вчерашнем вечере, и Лойс застонала.

– Да вылезь же ты из этого кокона! – заверещала Зори и принялась стаскивать с дочери тряпку. – Сколько же с тобой хлопот! Встань, я хоть на тебя посмотрю!

Лойс кое-как открыла глаза, и ее взору предстало расплывчатое лицо матери. От удара отца к утру опухла не только челюсть, но и почти полностью заплыл левый глаз.

– О, мой Бог! – воскликнула миссис Грант. – Какая же ты уродливая!

Лойс стянула с себя остаток спасительной тряпки и еле-еле приняла сидячее положение. Она больше не смотрела на мать, так как поняла, что вызывает у той жуткую неприязнь. Так что Лойс просто уставилась в стену и стала ждать следующего хода родителя.

– Тебе нужно к врачу, – сделала вывод миссис Грант. – Вставай! Мне что тебя уговаривать?

– Хорошо, – тихонечко сказала Лойс и попыталась встать на ноги, но ноги отказывались брать на себя такую нагрузку и попытки Лойс подняться оказались тщетными.

– Что ты возишься, как черепаха! – закричала миссис Грант и попыталась помочь дочери. – У всех дети как дети и только нам с отцом досталась ты! Ну, поднимайся уже!

– Я не могу, – невнятно сказала Лойс, придерживая рукой челюсть.

Зори Грант злобно усмехнулась, а потом сказала:

– А если я сейчас позову отца, ты наверняка, с его помощью не только сможешь встать, а вприпрыжку побежишь!

Лойс давно не удивлялась поведению матери, поэтому просто посмотрела на нее единственным видящим взглядом и, сжав челюсти плотнее, преодолевая адскую боль, сама встала на ноги.

– А теперь топай наверх и перестань скулить! Это дико раздражает, – сказала Зори и направилась к выходу первой.

Когда Лойс наконец-то выбралась из подвала, на кухне уже всюду бушевал скандал. Родители орали друг на друга, и каждый хотел, чтобы с дочерью поступили так, как предлагает именно он.

– У нее наверняка сломана челюсть! Ты что не понимаешь? – кричала Зори, пытаясь объяснить мужу всю сложность ситуации. – Надо чтобы врач ее вправил и закрепил, а то кость срастется, как попало, а в нашей дочери и так мало прекрасного.

– Я сам все сделаю! Не хуже этих докторов! – парировал Эрик. – Нам нельзя вести ее в больницу! Или ты готова отвечать на всякие мерзкие вопросы, которые там задают, когда видят ребенка с травмой? Я нет! Веди ее сюда. Я сам все вправлю, а ты замотаешь ей челюсть, так чтобы она не могла ею двигать.

Слова отца напугали Лойс больше чем сломанная челюсть. Она же знала, что отец совершенно далек от медицины, к примеру, как балет от сумо, поэтому она принялась молиться, чтобы матери удалось уговорить отца поступить правильно.

– А если что-то пойдет не так, и ты сделаешь хуже? Что мы будем делать тогда? – не унималась Зори. – Эрик, послушай, ей ведь нужны какие-то лекарства, а врач сразу даст нам рецепт. В конце концов, мы можем сказать, что она просто подралась с кем-нибудь, а травму мы заметили только утром. Она подтвердит. Она подтвердит все что угодно, если ты ей об этом скажешь.

Мистер Грант был взбешен. Он метался по кухне и пытался понять, что будет лучше для него.

– Нет, – огласил свое решение глава семьи. – Об этом инциденте станет известно в школе, а они там быстро два на два помножат, и тогда начнется у нас веселая жизнь. Нет. Веди ее сюда, а я пока помою руки для процедуры.

У Лойс остановилось дыхание. Она попыталась назад, но ноги подвели ее и она упала.

– Чем стоять и подслушивать... Да ладно! Все равно в твоей голове не задерживаются материнские советы. Вставай! Отец решил сам тебя вылечить, – сказала миссис Грант и протянула дочери руку, чтобы помочь ей подняться.

– Нет, – почти неслышно сказала Лойс.

– Ты не в том положении и уж тем более не в том возрасте, чтобы капризничать! – заорала миссис Грант. – Эрик! Эрик, иди сюда и сам ее уговаривай! Мне уже надоело с ней любезничать. Эрик!

Эрик Грант подскочил к дочери, как конь к сену. В его глазах горел не просто огонь, а настоящее адское пламя, которым он жаждал поделиться с Лойс.

– А ну-ка, разевай пасть, мерзавка! – завопил он и не успела Лойс понять что происходит, как большие пальцы обеих отцовских рук уже оказались у нее во рту.

Мистер Грант нащупал руками сломанную кость и, не смотря на ручьи слез, которые катились по лицу дочери и на ее истошный крик, он резко рванул челюсть сначала в одну сторону, а потом в другую.

– Вроде все, – сказал мистер Грант. – Прекрати орать! Уже все! Зато теперь кость срастется правильно, и ты не будешь похожа на чудовище! Скажи спасибо отцу! Ах, да, ты же не можешь!

Мистер Грант залился каким-то истерическим смехом, который, неожиданно для Лойс подхватила и ее мать. Лойс искренне не понимала, как можно смеяться, когда у твоего ребенка от слез не видно лица. Когда твоему чаду настолько больно, что его тело как будто бьет током. Как?

– Ох, ну и насмешила ты нас, Лойс! – выдохнул мистер Грант. – Ладно, Зори, отведи ее наверх и замотай ей челюсть. Еще принеси ей воды и трубочку, пускай пьет, но не много. Теперь, чтобы она быстрее поправилась, нам придется ее кормить, а то она так полгода проваляется. Свари ей вечером какой-нибудь бульон, да пожирнее.

Мистер Грант больше не пожелал оставаться в обществе женщин и проследовал в гостиную, где стоял его любимый телевизор, чтобы насладиться просмотром всевозможных передач.

Миссис Грант доволокла дочь до ее комнаты и практически бросила на кровать. Она даже не помогла ей раздеться, как будто то, что ребенок до сих пор одет в зимнюю куртку, было вполне обычным явлением.

Зори Грант за свою жизнь сделала множество разных перевязок, поэтому лихо подвязала нижнюю челюсть дочери широким бинтом и строго настрого запретила ей открывать рот.

– Ложись и лежи, пока я не приду, – скомандовала миссис Грант, стараясь не смотреть на дочь. – И в кого ты такая непутевая, Лойс?

После, заботливая мать оставила свое дитя для того, чтобы оно, желательно, выздоровело само, без особых усилий с ее стороны. Лойс была далеко не дура и давно знала, что кудахтать над ней никто не будет, поэтому, вновь собравшись с силами, она начала раздеваться. Было больно, неудобно и долго, но она справилась.

Только в семье Грант все успокоилось и все выдохнули, как внезапно раздался звонок в дверь.

– Кого это принесло? – негодуяше спросил Эрик у жены.

– Откуда я знаю, – бросила Зори. – Иди и узнай.

– Сама иди, – отрезал он. – Я еще не могу оклематься от нашего утреннего врачевания. Зори не стала спорить с мужем, и пошла, открывать дверь.

На пороге стоял Артур, тот самый мальчик, новый одноклассник Лойс. Всю ночь он терзался от вины, что не помог девочке, которая неплохо к нему отнеслась и дала списать работу, даже не смотря на то, что он с ней совсем не общался. И вот, когда на нее налетели трое идиотов, он просто стоял и смотрел, вместо того, чтобы заступиться.

– Здравствуйте миссис Грант, – робко начал парень. – Меня зовут Артур. Я одноклассник вашей дочери. Мы с родителями недавно сюда переехали, поэтому я не очень хорошо знаю Лойс. Но, я... Я могу ее увидеть?

– Ох, к сожалению, нет, милый! – сделав грустное лицо, ответила миссис Грант. – Наша Лойс слегка приболела и мы были вынуждены отправить ее к бабушке. Там, знаешь ли, и воздух

почище, да и бабушка ее быстрее на ноги поставит благодаря своим отварам, так, что приходи дней через десять.

Аккуратно выпроводив Артура, Зори вприпрыжку побежала рассказать об этом мужу.

– Что это за пацан? Откуда он вообще взялся? – зарычал Эрик.

– Я же тебе говорю, что он недавно переехал, – улыбаясь, ответила Зори. – Такой хорошенький! И как он мог заинтересоваться нашей дочерью? Может он полуслепой!

Гостиная наполнилась смехом двух лучших родителей в мире, и скорее всего в этот момент Господь отвернулся и сплюнул.

Как и предполагала Лойс, про нее все забыли. Супруги Грант отправились вечером в театр, не оставив дочери даже воды, подумав, что если Лойс захочет пить то вполне может самостоятельно спуститься и утолить жажду.

– У нее же ноги сломаны! – завопил Эрик перед выходом из дома. – Что ты с ней носишься, будто она грудная? Оставь это ради Бога, а то мы опоздаем и пропустим начало.

Лойс в это время уже крепко спала, обессилив до такой степени, что ни вода, ни еда ее уже не интересовали. Только во сне она иногда была счастлива. В таких снах всегда присутствовала ее бабушка со своим мягким голосом и нежными, заботливыми руками. Сейчас был именно такой сон. В нем Лойс жаловалась бабушке на родителей, стараясь как можно крепче держать ее в своих объятьях.

«Ничего милая, ничего, – шептала во сне бабушка, поглаживая ее по голове. – Ты сильная. Ты справишься. Ты у меня самая лучшая девочка на всем белом свете. Ничего. Потерпи, малыш. Потерпи».

Лойс улыбнулась во сне, плотнее прижимаясь к одеялу, будто к любимой бабушке. Она не хотела просыпаться, но боль от нечаянной улыбки пронзила сначала челюсть, а потом мозг и Лойс проснулась.

«Вот черт! – подумала она. – Какого хрена. Спи».

Так продолжалось трое суток. Лойс засыпала, просыпалась, пила воду или бульон и снова засыпала. Кто-то может посочувствовать, но для Лойс эти дни были самыми спокойными в ее короткой жизни. Родители почти не заходили к ней и не тревожили ее своими буйными фантазиями, так что она могла свободно передвигаться по дому, когда их нет и мирно отдыхать в своей постели, когда они находились дома.

Даже со сломанной челюстью Лойс сама себе завидовала, ведь таких легких каникул у нее еще не было. Обычно, к этому времени у отца уже была разработана целая программа под названием «Как измотать Лойс», на которую он тратил много времени, придумывая всевозможные задания и загадки. Но, в этот раз ему не повезло, и он дико злился, что его лишили такого веселья, к которому он заранее основательно подготовился.

Когда наступил долгожданный праздник и все с восторгом, в больших компаниях или в кругу семьи встречали Новый год, Лойс сидела у окна в своей комнате с кружкой куриного бульона и с очередными мечтами о том, что в следующем году будет гораздо лучше. Особенно если ей все-таки удастся сбежать и начать новую жизнь где-нибудь в глухой деревушке под покровительством какой-нибудь милой женщины, которая обязательно будет похожа на ее бабушку.

Глава 2

Мечта, сбывшаяся наполовину

До конца каникул оставалось два дня. Все время Лойс провела в своей комнате, тщательно обдумывая план побега. Она понимала, что без денег далеко не уйти, поэтому, зная, что родители держат свои накопления в спальне в третьем ящике комода, она решила позаимство-

вать у них немного, только на первое время. В будущем она планировала обязательно вернуть эти деньги, сразу, как только устроится.

Вещей она решила взять минимум, не видя необходимости в том, чтобы таскать с собой трое одинаковых штанов. Больше всего Лойс беспокоила погода. Застрясть на улице на морозе могло быть, мягко говоря, смертельно, поэтому она подумала, что самым правильным будет сразу отправиться на вокзал и там купить билет на автобус в место, которое находится как можно дальше от родного дома.

Все было готово. Оставалось только ждать, когда родители отправятся на свой очередной концерт или в кино и оставят Лойс одну. И такой момент подвернулся как раз во время. Погода стояла теплая и ясная, а пушистый снег, который валил с неба, делал из всего города сказочное местечко, в котором хочется жить.

Благодаря сложившейся атмосфере Лойс пребывала в приподнятом настроении. Родители собрались днем на день рождение маминой подруги, и только за ними захлопнулась дверь, Лойс рванула к шкафу и быстро запихала в школьный рюкзак пару теплых носков, запасные джинсы и теплую кофту. В другой отсек рюкзака она положила тетрадь, ручку и таблетки от боли, так как челюсть еще окончательно не срослась и по-прежнему ныла.

Дальше по списку шли продукты. Но какую пищу может взять с собой человек, который не может нормально жевать? Выбор у Лойс был не большой, так что она остановилась на самом простом: перелила из кастрюли в баночку оставшийся бульон, взяла воды и четыре коробочки йогурта из холодильника. Из ящика она прихватила маленькую ложку. Подумав полминуты, Лойс все же взяла с собой кусок хлеба, чтобы покрошить в бульон, на случай если станет совсем невмоготу.

После того, как еда была сложена в рюкзак, Лойс вспомнила о туалетных принадлежностях. Внутренне она знала, что ей не к чему так спешить, ведь маловероятно, что родители вернуться с минуты на минуту, когда они только что уехали, но что-то все равно подгоняло ее. Возможно, это был страх оказаться пойманной, а возможно желание быстрее очутиться в другом месте и в другой жизни.

Уже одевшись, Лойс вошла в спальню родителей, чтобы взять деньги. Стоя на их территории в ее голове промелькнула мысль, что если ничего не получится, и они ее найдут, то навряд ли ей стоит рассчитывать на жизнь.

«Перестань, – одернула себя Лойс. – Бери деньги, и бежим, пока есть на чем».

Так она и сделала. Засунула деньги в карман, закинула рюкзак на спину и пошла вниз. Но уже стоя перед входной дверью Лойс остановилась.

«Что делать? Ну, что мне делать? – полетели мысли в ее голове, одна за другой. – А если все напрасно? Если я не справлюсь? Может лучше остаться и дотерпеть до конца? Как же мне страшно! Почему у меня нет никого, кто мог бы помочь мне хотя бы советом? Что мне делать?».

Лойс начала сама себя тормозить. Прошло почти пятнадцать минут, а она все продолжала стоять в коридоре и смотреть на входную дверь. Вдруг до нее донесся звук проезжающей машины, и ноги Лойс как будто вросли в пол. Не в силах сделать хоть маленький шагок у нее невольно началась паника, из-за которой она даже не сразу сообразила, что это чужая машина, которая просто проехала мимо. И все. Просто мимо проезжающая машина и только.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.